

Александр Восьмой

**Ужасы: Плач
фарфоровых птиц**

Александр Восьмой Ужасы: Плач фарфоровых птиц

<https://litres.ru/74256513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Плач фарфоровых птиц. В парящем городе, где небо затянуто свинцовыми облаками, живут мастера, создающие фарфоровых птиц, чтобы улавливать чужие сны. Птицы не просто собирают грёзы — они вытягивают из людей воспоминания, превращая их в тонкие стеклянные нити. Главный герой — подмастерье, который однажды слышит, как его собственная птица плачет чёрным стеклом. Он выясняет: город стоит на гигантском спящем существе, и каждый сон — это капля яда, медленно пробуждающая его. Теперь герою нужно остановить производство птиц, пока чудовище не проснулось и не поглотило весь мир. Атмосфера — тяжёлая, «хрупкая»: всё красивое здесь смертельно опасно, а изящество фарфора контрастирует с нарастающим ужасом.

Александр Восьмой

Ужасы: Плач фарфоровых птиц

Глава 1. «День, когда небо перестало дышать»

Мастерская пахла влажной глиной и горьким лаком, которым покрывали крылья фарфоровых птиц. Тусклый свет масляных ламп ложился на полки неровными пятнами, будто пытался спрятаться от тяжести свинцового неба за стенами. Кайто склонился над заготовкой — тонкой, почти прозрачной, с прожилками, напоминавшими вены. Он водил кисточкой по фарфору, выводя узор, который должен был стать ловушкой для сна: витые спирали, что мягко обволакивали грёзы, вытягивали их, превращали в стеклянные нити.

Всё шло как обычно. Почти.

А потом птица дрогнула.

Не от сквозняка — в мастерской не бывало сквозняков. Тяжёлые ставни намертво запирались, чтобы ни один лишний звук не потревожил хрупкие заготовки. Не от шагов — Кайто стоял неподвижно, боясь спугнуть момент, когда глазурь схватится. Птица дрогнула сама по себе, будто внутри неё кто-то вздохнул.

Кайто замер. Кисточка выпала из пальцев и глухо стукнулась о стол. В тишине этот звук прозвучал как выстрел.

Птица снова вздрогнула. На этот раз сильнее. Её фарфоровое крыло едва слышно звякнуло о соседнюю фигурку, и этот звон повис в воздухе, острый и чужой, как нота, которой не должно быть в привычной мелодии мастерской.

И тогда Кайто услышал плач.

Это не был человеческий плач, не был стон или шёпот. Это был звук стекла, рождающегося из тишины. Из клюва птицы сочилась густая, чёрная, словно пропитанная сажей, масса. Она застывала на лету, превращаясь в тонкие нити, но не такие, какие Кайто привык вытягивать из снов. Эти нити были матовыми, тяжёлыми, будто несли в себе не грёзы, а тьму. Они падали на стол, звякали, как осколки, и тут же твердели, сплетаясь в клубок, похожий на спутанное сердце.

Кайто отшатнулся, но не смог отвести взгляд. Что-то внутри него кричало, что нужно разбить птицу, стереть этот кошмар, спрятать его, пока никто не увидел. Но другая часть, холодная и внимательная — та, что годами училась видеть красоту в хрупкости, — заставила его стоять и смотреть, как из неживого фарфора рождается нечто, чего не должно существовать.

В этот момент дверь скрипнула. Старый мастер вошёл так тихо, что Кайто не услышал шагов. Его лицо было бледным, глаза — пустыми, будто он сам только что лишился части воспоминаний. Он посмотрел на птицу, на клубок чёрных нитей, на застывшее лицо Кайто — и вдруг резко шагнул вперёд, смахнув всё со стола одним движением. Клубок по-

катился по полу, звякая, как цепочка из могильных колокольчиков.

— Не смотри на это, — прошептал мастер, голос его звучал так, будто слова давались с трудом, словно каждое из них царапало горло изнутри. — Не слушай, что шепчут сны.

Он схватил Кайто за плечо, пальцы впились в ткань куртки, жёсткие, холодные, как фарфор.

— Запомни: если птица плачет чёрным — значит, она тянет не сны, а боль. А боль — это яд. И он капает вниз.

Кайто хотел спросить «куда вниз?», но не успел. Мастер отпустил его, шагнул к дальней полке, провёл рукой по ряду птиц, будто прощаясь, и исчез за тяжёлой занавеской, отделявшей мастерскую от узких коридоров, уходящих вглубь парящего города.

Прошло несколько часов. Или минут. Время в мастерской текло иначе, чем за её стенами. Кайто так и стоял, глядя на пустую столешницу, где ещё недавно лежала проклятая птица. Клубок чёрных нитей исчез. Будто его и не было.

Но на фарфоровой заготовке, над которой он работал, осталось выцарапанное чем-то острым, грубое послание, которого раньше не было:

«Не слушай, что шепчут сны».

Кайто провёл пальцем по буквам. Фарфор был тёплым, будто только что из печи, хотя печь давно остыла.

Тогда он понял: мастер не просто ушёл. Он исчез. Без слов, без объяснений, оставив после себя только предупре-

ждение, выцарапанное на хрупкой поверхности, и ощущение, что тишина в мастерской стала громче любого крика.

Снаружи свинцовые облака опустились ещё ниже, почти касаясь крыш. Город, который всегда парил высоко над землёй, будто вдруг почувствовал тяжесть, которую не мог больше нести. Ветер, редкий гость в этих улицах, пробрался сквозь щели и зашептал что-то на незнакомом языке. Кайто прислушался — и вдруг понял, что слышит не ветер.

Он слышал, как город дышит. Тяжёло, прерывисто, будто под его улицами, под мостовыми, под фундаментом каждой мастерской, кто-то огромный и древний ворочался во сне.

И каждый раз, когда фарфоровая птица ловила чей-то сон, эта тяжесть становилась чуть больше.

Кайто сжал кулаки. Его пальцы дрожали, но в груди разгоралось чувство, которому он не знал названия — не страх, не гнев, а холодная решимость, рождающаяся там, где заканчивается привычная жизнь.

Он больше не был просто подмастерьем, который учится вытягивать сны из людей. Он стал тем, кто услышал, как небо перестало дышать.

И теперь ему предстояло выяснить, что делать с этим знанием — и как остановить то, что уже начало просыпаться внизу.

Глава 2. «Мастерская, где рождаются кошмары»

Кайто крался по узкому проходу за задней стеной мастер-

ской — по тому самому, куда ученикам строго-настрого запрещалось ступать. Доски под ногами скрипели, будто шептали предостережения, а воздух здесь был густым, тяжёлым, пропитанным не запахом глины и лака, а чем-то древним, словно сама пыль хранила чужие воспоминания.

Он отодвинул тяжёлую бархатную занавеску, которую раньше всегда видел плотно задёрнутой, и оказался в помещении, которое меньше всего походило на продолжение привычной мастерской. Это была пещера из фарфора.

Полки тянулись до самого потолка, изгибаясь, как рёбра неведомого зверя. На каждой из них стояли птицы — сотни, может, тысячи. Но это были не те изящные фигурки, что Кайто привык лепить под надзором мастера. Эти птицы были иными: их крылья казались полупрозрачными, будто сквозь фарфор просвечивали не узоры глазури, а живые образы.

Кайто подошёл ближе, не в силах побороть притяжение тайны. Он протянул руку и коснулся крыла одной из птиц — и в тот же миг перед глазами вспыхнул чужой миг: женщина смеётся, держа на руках ребёнка; свет падает через окно, тёплый, золотистый, такой далёкий от свинцовых облаков над городом. А потом образ рассыпался, как битое стекло, оставив на языке горький привкус утраты.

Каждая птица хранила не сон, а воспоминание — кусочек чьей-то жизни, вытянутый, как нить, и вплетённый в фарфор. Кайто понял: красота этих птиц была не украшением, а

ловушкой. Чем изысканнее узор, тем глубже рана, которую он оставлял в чьей-то душе. И чем прекраснее птица, тем опаснее её содержимое — она вытягивала не просто грёзы, а самую суть человека, его радость, его боль, его любовь.

В глубине комнаты, на отдельной полке, стояла птица, отличавшаяся от остальных. Её фарфор был темнее, почти цвета остывшей золы, а узоры на крыльях напоминали почерк старого мастера — неровные, стремительные линии, будто он торопился запечатлеть нечто важное, пока не потерял способность думать.

Это была птица мастера.

Внутри неё мерцала тонкая стеклянная нить — не прозрачная, как обычно, а с вкраплениями тёмно-серого, словно в неё вплелись последние мысли человека. Она пульсировала, будто жила своей собственной жизнью, и от этого мерцания по коже Кайто бежали мурашки.

Рядом с птицей лежал потрёпанный дневник, перетянутый потрёпанной лентой. Кайто взял его дрожащими пальцами и открыл на случайной странице. Чернильные строки плясали перед глазами, но смысл пробивался сквозь хаос букв:

«Мы думали, что ловим сны, чтобы уберечь город от кошмаров. Но правда страшнее: мы вытягиваем воспоминания, превращаем их в яд. Каждая нить — капля, падающая вниз. Под городом спит нечто древнее. Оно не враг и не друг — оно сила, на которой держится наш парящий дом. Пока оно

спит, город летит. Но каждый сон, каждая вытянутая память — это укол, это боль, это капля яда, что будит его. Если оно проснётся... небо рухнет».

Дальше шли обрывки расчётов, схемы, непонятные символы, а на полях — короткие фразы, будто мастер записывал их, когда уже начинал терять связь с реальностью: «Не смотри в глаза птице», «Они поют не для нас», «Город не летит — его держат».

Кайто закрыл дневник, и звук защёлкнувшейся обложки прозвучал в тишине, как щелчок капкана.

И тут одна из птиц тихо звякнула.

Потом ещё одна.

А затем — целый хор едва слышных звуков, похожих на звон тонких стеклянных нитей, сталкивающихся друг с другом. Это не была мелодия. Это был шёпот тысяч воспоминаний, сливающихся в единый голос — голос города, который шептал о боли, о потерях, о страхе, спрятанном за изящными фасадами и хрупкими крыльями фарфоровых птиц.

Кайто отступил на шаг, но наткнулся спиной на полку. Птицы вокруг него качнулись, и на мгновение ему показалось, что их глаза — крошечные чёрные точки глазури — следили за ним.

«Чем красивее птица, тем опаснее её содержимое», — пронеслось в голове, и теперь эти слова обрели плоть, стали осязаемыми, холодными, как фарфор, к которому он прикасался.

Он должен был понять, как остановить это. Должен был узнать, как разорвать цепь, по которой воспоминания стекали вниз, в пасть спящего существа. Но прежде ему предстояло принять страшную правду: город, который он считал домом, был построен на чужой боли. Его красота была оплачена чужими воспоминаниями, а изящество фарфора оказалось лишь тонкой оболочкой, скрывающей кошмар.

Снаружи свинцовые облака, казалось, опустились ещё ниже, почти касаясь крыш. Ветер пробрался в мастерскую и зашелестел страницами дневника, будто хотел, чтобы Кайто прочитал ещё хоть одну строчку — ещё одно предупреждение, ещё одну истину, которую он не был готов услышать.

Но Кайто уже знал достаточно. Он закрыл дневник, спрятав его под куртку, и, бросив последний взгляд на ряды птиц, прошептал в тишину:

— Я не позволю вам забрать ещё хоть одно воспоминание.

И, развернувшись, шагнул обратно в полумрак коридора, туда, где начинался его путь к разгадке — и к спасению города, который медленно, капля за каплей, будил чудовище под своими улицами.

Глава 3. «Сад стеклянных нитей»

Кайто выскользнул из мастерской, будто сам воздух внутри стал слишком тяжёлым, чтобы его вдыхать. Он шёл, не разбирая дороги, пока не упёрся спиной в старую кованую решётку, увитую сухими стеблями плюща. За ней прости-

рался сад — заброшенный, забытый, словно вырванный из другой эпохи. Здесь не было ни аккуратных клумб, ни ухоженных дорожек: только кривые деревья с узловатыми ветвями, будто застывшими в безмолвном крике, и земля, покрытая тонким слоем стеклянной пыли, которая мерцала тусклым серебром даже в полумраке свинцового неба.

Он толкнул решётку — та протестующе скрипнула, как будто не хотела пускать его внутрь. Но Кайто шагнул вперёд, и сад принял его, окутав странной тишиной, в которой каждый звук становился слишком громким. Шорох его шагов по стеклянной крошке звучал как сотни крошечных голосов, шепчущих что-то неразборчивое.

И тогда он увидел её.

Девочка сидела на обломке мраморной скамьи, скрестив ноги, и держала в руках тонкую стеклянную нить. Она водила по ней пальцем, и нить тихо звенела, отзываясь на прикосновение, словно была живой. Её волосы были тёмными, почти чёрными, но в них мерцали серебристые пряди, будто в них запутались осколки лунного света. Когда она подняла глаза на Кайто, он замер: в её взгляде было что-то древнее, не по-детски глубокое.

— Ты тот, кто слышал плач птицы, — сказала она спокойно, будто они встречались каждый день, а не впервые стояли друг перед другом посреди заброшенного сада.

— Кто ты? — выдохнул Кайто, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Меня зовут Мия, — ответила она, не сводя с него взгляда. — И я умею читать нити.

Она подняла нить выше, и Кайто увидел, что на ней, словно на тонкой ленте, проступают образы: лицо пожилой женщины, дрожащая рука, чашка, из которой поднимается пар... Мимолётный миг чьей-то жизни, застывший в стекле.

— Это воспоминание, — пояснила Мия, будто читая его мысли. — Не сон. Сны лёгкие, они улетают, как пух одуванчика. А воспоминания тяжёлые. Они цепляются за сердце, и когда их вытягивают, остаётся пустота.

Она встала и повела Кайто вглубь сада, туда, где деревья расступались, открывая небольшую поляну. Там, между корнями старых дубов, висели сотни стеклянных нитей — они тянулись от земли к ветвям, переплетались, сталкивались друг с другом и издавали тихий, непрерывный звон. Это была не музыка, а шёпот тысяч потерянных мгновений. От этого звука по спине Кайто пробежал ледяной холод, а в груди сжалось что-то тяжёлое, будто он сам начал терять воспоминания.

— Смотри, — прошептала Мия, указывая на одну из нитей, которая медленно опускалась вниз, к самой земле. — Каждая нить — это капля. Она падает... туда.

Кайто проследил за её взглядом и увидел, как у корней дерева земля слегка подрагивала, будто дышала. Из трещины в почве поднимался едва заметный тёмный пар, который тут же растворялся в воздухе, но от него веяло чем-то древним

и зловещим — холодом, голодом и гневом, накопившимся за тысячелетия.

— Под городом спит чудовище, — тихо сказала Мия. — Оно держит город в небе. Пока оно спит, мы парим. Но каждая капля воспоминаний, каждая вытянутая нить — это укол. Это боль. И если собрать слишком много снов, если вытянуть слишком много воспоминаний, чудовище проснётся от боли и гнева. И тогда оно разорвёт город на части, чтобы избавиться от этой муки.

Кайто опустился на колени, коснулся земли, и пальцы его ощутили слабую, ритмичную пульсацию — будто под корнями билось огромное, древнее сердце. Он вспомнил строки из дневника старого мастера: «Пока оно спит, город летит». Теперь эти слова обрели плоть, стали осязаемыми, холодными, как стеклянная пыль под его ладонями.

— Весь город — фабрика яда, — прошептал он, и его голос прозвучал чужим, чужим даже для него самого. — Мы сами будим чудовище.

Мия кивнула, её глаза потемнели, будто в них отразилась вся тяжесть этого знания.

— Мастера думают, что защищают город, ловя кошмары. Но они не понимают: кошмары — это лишь тень. Настоящая боль — в воспоминаниях. В том, что люди любят, чего боятся, о чём тоскуют. Именно это бьёт сильнее всего.

Она подошла к одной из нитей и осторожно коснулась её. Та отозвалась высоким, пронзительным звуком, похожим

на крик, и на мгновение Кайто увидел не сад, а огромный зал, полный фарфоровых птиц, которые пели все сразу, создавая диссонирующую симфонию, от которой хотелось закрыть уши и кричать.

— Этот звук слышат не все, — сказала Мия, убирая руку. — Только те, чьи птицы уже плакали чёрным стеклом. Только те, кто начал слышать правду.

Сад вокруг них продолжал тихо звенеть, и этот звон становился всё громче, будто нити знали, что их тайну раскрыли, и хотели заглушить любые слова, любые попытки что-то изменить. Кайто поднялся, чувствуя, как тяжесть понимания давит на плечи. Он посмотрел на Мию, и в её глазах увидел то же самое: решимость, смешанную со страхом.

— Что нам делать? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Мы должны остановить производство птиц, — тихо, но твёрдо сказала Мия. — Пока чудовище не проснулось. Пока ещё есть время.

Свинцовые облака над садом опустились ещё ниже, почти касаясь верхушек деревьев. Ветер, прорвавшийся сквозь щели в стенах города, зашелестел сухими листьями и стеклянными нитями, сплетая из их звона мелодию, от которой стыла кровь. И в этом звуке Кайто слышал не просто шёпот воспоминаний — он слышал голос самого города, который умолял о спасении, пока ещё не стало слишком поздно.

Он сжал кулаки, чувствуя, как под кожей пульсирует решимость.

— Тогда мы остановим это, — сказал он, глядя на Мию.
— Даже если придётся разбить каждую фарфоровую птицу в этом городе.

Мия улыбнулась — грустно, но без страха.

— Тогда нам лучше начать прямо сейчас.

И они шагнули глубже в сад, туда, где стеклянные нити сплетались в лабиринт, ведущий к самому сердцу тайны. Туда, где начинался путь к спасению — или к гибели всего, что они знали.

Глава 4. «Тени на свинцовом небе»

Паника накрыла город, как ещё одна свинцовая туча — тяжёлая, непроглядная, давящая на грудь. На площадях собирались толпы, и в их шёпоте не было ярости — только растерянность, похожая на холод, проникающий под кожу. Люди стояли, сжимая друг друга за руки, и не могли вспомнить, почему эти руки кажутся родными. Кто-то плакал, не понимая, о ком слёзы. Кто-то смотрел на свои ладони, будто видел их впервые.

— Я помню запах дождя, — бормотал старик, глядя на Кайто пустыми глазами. — Но не помню, был ли у меня дом, где я его вдыхал.

Кайто стоял на краю площади, чувствуя, как город вокруг него становится чужим. Он видел, как женщина прижимала к груди ребёнка и шептала: «Ты мой, ты мой», но в её голосе звучала мольба, будто она пыталась удержать воспоминание,

как тонкую стеклянную нить, готовую вот-вот лопнуть.

А над всем этим, словно издеваясь над хаосом, висел голос из городских рупоров — холодный, металлический, безупречно спокойный:

«Болезнь грёз поддаётся контролю. Продолжайте сдавать сны. Производство птиц усилено. Город в безопасности».

Мия подошла к Кайто, её лицо было бледным, а в глазах читалась горькая уверенность.

— Они не понимают, — прошептала она, кивнув в сторону рупора. — Они думают, что ловят болезнь. А на самом деле они её сеют.

Кайто сжал кулаки. Он знал, куда нужно идти. Главный цех — сердце всей этой машины, вытягивающей память. Туда, где тысячи птиц звенят в унисон, создавая ритм, способный заглушить даже собственный страх.

Они двинулись через переулки, где тени стали длиннее и будто плотнее, чем раньше. Казалось, что сами стены впитывали исчезающие воспоминания и становились тяжелее. По пути им встречались мастера — не те, кого Кайто знал по мастерской, а люди в серых плащах с остекленевшими глазами. Они шли ровным шагом, не глядя по сторонам, и несли корзины, полные стеклянных нитей. Нити тихо звенели, складываясь в едва уловимую мелодию, от которой хотелось закрыть уши.

— Они уже не люди, — тихо сказала Мия, когда один из мастеров прошёл мимо, не заметив их. — Они стали частью

механизма. Их собственные воспоминания растворились в работе.

Главный цех возвышался над улицами, похожий на гигантский фарфоровый купол, покрытый узорами, которые, если долго смотреть, начинали шевелиться, словно живые. Ворота были распахнуты, и из них лился тусклый, мерцающий свет, смешанный с непрерывным звоном — не хаотичным, а строго выверенным, гипнотическим.

Кайто и Мия скользнули внутрь, стараясь держаться в тени колонн.

Цех был огромен. Ряды за рядами тянулись полки, уставленные птицами. Но это были не готовые фигурки — это были заготовки, ещё не обретшие форму, но уже живые в каком-то страшном смысле. Они дрожали, их клювы приоткрывались, и из них тянулись тонкие нити, сплетаясь в длинные косы, которые тут же подхватывали мастера.

Мастера сидели за длинными столами, их пальцы двигались с механической точностью. Глаза у всех были одинаково пустыми, будто из них вынули всё личное, оставив только способность работать. Они брали нити, сплетали их в толстые жгуты, а затем отправляли вниз, в тёмные шахты, уходящие под пол цеха.

Кайто почувствовал, как у него сжимается сердце. Он видел теперь не просто производство — он видел фабрику яда, работающую на полную мощность.

И тут он заметил нечто ещё более страшное.

Пол цеха был не сплошным. Сквозь узкие щели между плитами пробивалось тусклое багровое свечение. Оно пульсировало в такт звону птиц, будто само здание дышало. Кайто опустился на колени, прижался ухом к холодному камню — и услышал это: низкий, тяжёлый ритм, похожий на удар гигантского сердца.

Это было сердце спящего существа.

С каждым ударом из-под земли поднималась едва заметная волна тепла, смешанного с чем-то древним и злым. И с каждым ударом щели в полу расширялись на долю миллиметра, будто земля хотела показать, что терпение её кончается.

Мия опустилась рядом с ним, её пальцы коснулись края плиты. Она закрыла глаза, прислушиваясь не к звукам, а к вибрациям, которые могли почувствовать только те, кто умел читать стеклянные нити.

— Оно чувствует боль, — прошептала она, и голос её дрогнул. — Каждая нить, уходящая вниз, — это укол. Чем больше нитей, тем сильнее боль. Они не просто собирают сны — они будят его.

Кайто посмотрел на ряды мастеров, на бесконечные полки птиц, на шахты, ведущие вниз, и понял: остановить это будет не просто трудно. Это будет почти невозможно.

В этот момент один из мастеров поднял голову. Его глаза встретились с глазами Кайто — и на мгновение в них мелькнуло что-то человеческое, почти умоляющее. А затем взгляд

снова стал пустым, и мастер вернулся к работе, продолжая сплетать нити, будто ничего не произошло.

— Мы должны разрушить механизм, — прошептал Кайто, не отрывая взгляда от пульсирующих щелей. — Должны остановить поток.

Мия кивнула, но в её глазах читался страх.

— Но если мы остановим его резко... оно может проснуться от внезапной тишины так же, как от шума. Нужно не просто сломать систему. Нужно её перестроить. Найти способ, чтобы нити не падали вниз. Чтобы воспоминания не становились ядом.

Звон в цехе стал громче, будто птицы почувствовали их намерения и хотели заглушить любые планы. Тысячи голосов сливались в один, гипнотический, подавляющий волю. Кайто почувствовал, как его собственные мысли начинают расплываться, как дым. Он вспомнил лицо матери, смех друга, запах мастерской — и вдруг испугался, что и эти воспоминания могут быть вытянуты, превращены в тонкую нить и отправлены вниз, в пасть чудовища.

Он сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль была резкой, настоящей — она помогла удержаться на краю.

— Тогда мы найдём способ, — твёрдо сказал он, глядя на Мию. — Мы не позволим этому городу стать могилой для собственных воспоминаний.

Мия улыбнулась едва заметно, но в этой улыбке не было

радости — только решимость, выкованная из страха и надежды.

— Тогда идём, — прошептала она. — Нам нужно найти центр управления. То место, откуда все нити уходят вниз.

Они двинулись вглубь цеха, мимо рядов птиц, мимо мастеров с пустыми глазами, мимо пульсирующего света, пробивающегося из-под пола. С каждым шагом ритм становился всё громче, а воздух — всё тяжелее, будто сам город сопротивлялся их намерению.

Но Кайто шёл вперёд. Он больше не был просто подмастерьем, который учился лепить фарфор. Теперь он был тем, кто должен спасти город от его собственной красоты — от изыщества, которое стало смертельной ловушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.